

ФАКТОРЫ СМЕНЯЕМОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ЗАКАВКАЗЬЯ*

Александра Викторовна Филатова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;

Иван Игоревич Петров

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;

Алиса Романовна Шишкина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;

Евгений Александрович Иванов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

В данной статье анализируются факторы сменяемости политических режимов на постсоветском пространстве на примере таких регионов, как Центральная Азия и Закавказье. Для анализа были отобраны переменные, характеризующие уровень свободы и эффективность институтов, уровень политической конкуренции и демократии, относительной депривации, а также факторы консолидации режима. Авторы приходят к выводу, что в качестве триггера смены политического режима в изучаемых странах стоит рассматривать высокий уровень безработицы, в то время как в формировании условий, предшествующих смене режима, участвовали следующие факторы: утрата авторитарным режимом способности использовать экономические ресурсы для покупки лояльности избирателей и контроля над их поведением; рост уверенности избирателей в наличии представителей, готовых защищать их интересы, а также переориентация элит с авторитарного доминирования на соблюдение общих правил игры.

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 17-06-00476).

Системный мониторинг глобальных и региональных рисков 2019 557-576

Социальные революции и политические кризисы не только дестабилизируют политическую систему, но и могут служить стимулом для запуска процессов трансформации (Geddes 2009; Хантингтон 2017). Несмотря на наличие большого количества исследований по данной теме, причины этого явления не до конца ясны. Более того, широко используется аргумент о том, что режимная трансформация не всегда выступает логичным и неизбежным исходом социальных революций. Пытаясь доказать или опровергнуть данный тезис, ученые устраивают дебаты вокруг основополагающих концепций, объясняющих смену режимов, а также пытаются вычислить ту комбинацию факторов, которая повышает вероятность массовых протестных акций или же, напротив, понижает ее. На данный момент в исследовательской литературе среди факторов, объясняющих режимные трансформации, можно найти следующие: уровень развития государства (Липсет 2016), колебания в уровне благосостояния (Гарр 2005), индивидуальную и групповую социальную мобильность (Олсон 1995), постиндустриальные ценностные сдвиги (Инглхарт, Вельцель 2011), устойчивость и открытость институтов (Аджемоглу, Робинсон 2015), соседство с развитыми демократиями (Levitsky, Way 2010), уровень экономических свобод (Норт и др. 2011), характер господствующих неформальных связей в обществе (Патнэм 1996), глубина этноконфессиональных размежеваний и степень национализма (Алмонд и др. 2003), наличие гражданской культуры и горизонтальных связей, сдерживающих насилие (Тилли 2007), уровень общественной поляризации (Пшеворский 2002), наличие «ресурсного проклятия» (Ross 2013), характер правящего режима (Даль 2010), влияние международной среды (Хантингтон 2003), формирование революционной «воронки причинности», лишаящей систему равновесия (Голдстоун 2015), фатальные ошибки руководства страны (Treisman 2012).

Хотя наличие связи между указанными факторами и уровнем социально-политической дестабилизации проверена на большом объеме эмпирического материала, остаются регионы, имеющие свою специфику, которая может в корне изменить логику изучаемых процессов. В данном исследовании, посвященном выявлению факторов смены политических режимов, объектом внимания стали регионы Центральной Азии и Закавказья. Первый регион охватывает пять государств, где в политической сфере преобладают авто-

ритарные установки, а в общественной большую роль играют этнические и религиозные процессы. При этом большинство населения относится либо к так называемым этническим мусульманам, либо к активно практикующим приверженцам ислама. Среди стран постсоветской Центральной Азии выделяется Киргизия, пережившая две смены правящего режима в результате массовых протестных акций в 2005 и 2010 гг. Стоит отметить, что революционные события привели к тому, что в Киргизии начали формироваться и укрепляться демократические институты и установки, в то время как для остальных четырех стран региона шансы на быстрые революционные изменения за десятилетия, прошедшие с момента распада СССР, были менее выраженными, несмотря на схожесть стартовых позиций и условий развития.

Исследование процессов, происходящих в Центральной Азии, а также изучение причин, способствовавших насильственным режимным трансформациям в прошлом, является довольно полезным для прогнозирования будущих процессов. Среди текущих процессов мы можем назвать следующие: запуск новым президентом Шавкатом Мирзиёевым процессов либерализации экономической сферы и политического режима в Узбекистане, что имеет некоторые параллели с обещаниями реформ, которые объявил Гурбангулы Бердымухамедов, ставший главой Туркменистана после смерти Сапармурата Ниязова. Кроме того, нельзя не сказать об очередном этапе трансформации киргизского общества на фоне конфликта экс-президента страны Алмазбека Атамбаева с действующим лидером Сооронбаем Жээнбековым, а также об уходе в отставку президента Казахстана Нурсултана Назарбаева, правившего страной с 1990 г., и начале большого трансфера власти в стране. В Азербайджане передача власти от Гейдара Алиева к его сыну Ильхаму состоялась еще в 2003 г., однако с того момента режимная конструкция начала устаревать и азербайджанские элиты готовятся к новому трансферу власти. В Армении попытка Сержа Саргсяна удержать власть в руках правящей на тот момент группы элит была сорвана уличными протестами, на волне которых главой страны стал Никол Пашинян, который уже сталкивается с серьезными трудностями руководства государственной машиной.

В фокусе данного исследования находятся факторы, приведшие к смене режима революционным путем в Киргизии, а также причи-

ны, по которым в других странах Центральной Азии протестные действия не достигали такого масштаба. Так, к примеру, авторы ставят перед собой задачу понять, почему революционной смены режима не произошло в других странах региона, несмотря на то что некоторые из них имели стартовые условия, близкие к тем, что были в Киргизии.

Чтобы ответить на эти вопросы, мы провели исследование, в основе которого лежит инструментарий качественного сравнительного анализа (QCA) – метода, оценивающего вероятность влияния определенной комбинации факторов из изначального множества на получение положительного результата через сравнение выбранных кейсов. Данный метод помогает выдержать некоторый баланс между количественными и качественными подходами, учитывая специфику конкретных кейсов, но при этом позволяя выйти на межкейсовые обобщения (Rihoux, Ragin 2008; Berg-Schlusser *et al.* 2008), вместе с этим QCA нивелирует ряд сложностей, возникающих в виду низкого качества либо полного отсутствия релевантных статистических данных по странам Центральной Азии и Закавказья.

Для работы нами были отобраны переменные и определены исходы – конечный результат, на который мы ориентируемся в анализе. В соответствии с логикой применения метода и переменные, и исходы кодируются в двоичной системе. В данном случае в качестве положительных исходов (то есть при кодировке событиям в изучаемых странах было присвоено значение 1) будет рассматриваться смена политического режима в ходе протестных действий, отрицательных – отсутствие смены политического режима либо его смена по причинам, не связанным с протестными действиями. Для анализа были также отобраны 19 переменных, исходя из имеющихся данных по факторам, оказывающим влияние на склонность к смене режима согласно пяти теориям режимной трансформации.

В выборку кейсов нашего исследования попали 8 стран – помимо Киргизии, в нее вошли 4 страны Центральной Азии, в которых революции не происходили (Казахстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан), а также, для формирования сравнительной перспективы, достаточной для проведения задуманного исследования, были включены 3 страны постсоветского Закавказья, в двух из которых происходили смены режима революционным путем (Армения, Грузия), а в одной – нет (Азербайджан).

В качестве теоретических допущений нашей работы мы принимаем следующие: во-первых, относительную схожесть стартовых условий в постсоветских странах Центральной Азии и Закавказья, позволяющую нам объединить их в единую выборку; во-вторых, возможность построения модели на основании тестирования не одной, а множества пересекающихся гипотез; в-третьих, необходимость исключения объяснений, действующих для отдельных стран выборки (например, газовой ренты для Туркменистана или проевропейской ориентации для Грузии) в пользу поиска факторов, оказывающих вероятное влияние во всех восьми странах; в четвертых, необходимость исключения ряда факторов (прежде всего связанных с ВВП) из анализа в силу того, что значимость их влияния является заведомо высокой, и их наличие в выборке неминуемо приведет к смещению результатов в экономическую плоскость; в-пятых, возможность адекватного отражения имеющихся в обществе тенденций путем сбора данных по исследуемым переменным по последнему предреволюционному году для стран, где революции произошли, и по последнему году перед мирной передачей власти от президента к президенту в рамках единого авторитарного режима – для других стран (в силу характерных для стран выборки сроков правления авторитарных лидеров – от 10–15 лет и более).

Структура статьи в дальнейшем отражает логику исследования и состоит из трех ключевых разделов:

- обзор теоретической литературы, формирование гипотез и групп переменных;

- проведение качественного сравнительного анализа и приведение его результатов – описание возможных комбинаций факторов, объясняющих различие между двумя группами стран выборки – со сменой режима посредством уличных протестов и без нее (например, через наследование власти);

- выводы: тестирование гипотез о причинно-следственных связях режимной трансформации в Центральной Азии на основании результатов QCA.

Теории режимных трансформаций

Как мы уже отмечали ранее, трансформациям политических режимов через протесты посвящено большое количество научной литературы, а с добавлением концепций, объясняющих революции, количество данных теорий становится невыразимо большим. В целях систематизации данных подходов в своем исследовании мы сосредоточились на выявлении ограниченного числа ключевых мегаконцепций, раскрыть суть которых мы постарались за счет подбора переменных, взятых преимущественно из данных Всемирного банка, проекта V-Dem (*Varieties of Democracy*), а также индексов *Freedom House (Freedom in the World)* и *Heritage (Index of the Economy Freedom)*. Кроме того, были включены показатели, взятые из базы национальных статистических комитетов стран, и фактологические показатели, такие как, например, наличие или отсутствие конфликта в стране в предшествующее десятилетие или срок президентства.

Полученные в итоге пять мегаконцепций будут изложены нами далее. Имеющийся в нашем исследовании набор из 19 ключевых переменных также представлен с обоснованием того, почему именно эти параметры были выбраны нами для QCA, а ряд других, наоборот, в нем отсутствует.

а) Теория модернизации

Теория модернизации, представителями которой можно назвать таких видных ученых, как М. Липсет (2016) и С. Хантингтон (2017), утверждает, что с увеличением уровня развития общества растут и его запрос на демократию, и необходимость в ней для поддержания эффективного порядка. Среди параметров, определяющих степень модернизации, обычно приводятся четыре – образование, урбанизация, секуляризация и благосостояние (ВВП на душу населения), а также гражданская (требовательного политического индивидуализма) культура в плане политическом. В современном виде теория модернизации является также теорией постмодернизации, то есть развития в обществе ряда явлений, свидетельствующих о росте внимания граждан к личным свободам, качеству жизни, состоянию окружающей среды, природной и социальной.

В качестве переменных, отражающих в нашем исследовании теорию модернизации, мы выбрали урбанизацию (в %) и индекс

правового равенства женщин (V-Dem). Переменными, также отражающими уровень модернизации, но не включенными в наше исследование, являются:

ВВП и ВВП на душу населения, не используются нами в силу их доказанного влияния на зависимую переменную, причем настолько значительного, что их включение немедленно приведет к искажению результата в их пользу, не позволяя проанализировать значимость иных переменных.

Индекс человеческого развития, фокусирующий в себе основные параметры теории модернизации, однако отсутствующий для двух стран из выборки, в принципе плохо отраженных в мировой статистике, – Туркменистана и Узбекистана. Между тем на стадии интерпретации результатов анализа нами будет учитываться, что явной зависимости между ИЧР и революционным исходом в имеющейся выборке не имеется: так, среди 8 стран выборки высокие показатели ИЧР имеет Казахстан, а низкие – Таджикистан, оба – стабильно авторитарные государства; иные 6 стран, в 3 из которых произошли революции, являются (для двух стран выборки – предположительно) странами со средним уровнем развития ИЧР.

Индекс *World Values Survey* Р. Инглхарта и К. Вельцеля в силу схожести его значений для большинства постсоветских стран, включая страны Прибалтики.

Относительно же включения двух иных переменных в анализ у нас имеются следующие соображения.

В отличие от образования и секуляризации, в постсоветских реалиях имеющих одновременно всеохватывающий и довольно расплывчатый характер, параметр урбанизации, наоборот, прекрасно отображает общий уровень интеграции населения в развитую городскую среду, противопоставленную сельской местности.

Поскольку страны выборки в советские времена сохраняли высокий уровень традиционализма, а в постсоветские пережили его новые всплески, реальная наделенность женщин правами, на наш взгляд, может служить параметром, косвенно демонстрирующим, произошел ли отказ от традиционных политических установок в пользу тех, которые, несмотря на традиционалистскую риторику власти, все же осмысливаются гражданами в категориях рацио-

нальных, что, в свою очередь, говорит о модернизации данных обществ.

б) Теория институционального развития

Согласно теории институционального развития, представителями которой можно назвать таких видных ученых, как Д. Норт, Д. Уолис, Б. Вайнгаст (2011) и Д. Асемоглу, Д. Робинсон (Аджемоглу, Робинсон 2015), утверждается, в самой простой формулировке, что политические и экономические свободы идут рука об руку, а инструментом их реализации служат устойчивые, свободные от клиентелизма и ориентированности на ренту институты и что сочетание авторитаризма с более открытыми институтами может с большой вероятностью вести к его демократизации, и наоборот, сочетание закрытых институтов с демократическим строем может вести к авторитарному откату.

В качестве переменных, отражающих в нашем исследовании институциональную теорию, мы выбрали следующие:

- индекс экономической свободы (*Heritage*) и индекс эффективности правительства (*V-Dem*), служащие показателями защищенности экономической сферы от коррупции, протекционизма и иных форм контроля, связанных с экстрактивной (командной) моделью экономики, которая коррелируется с авторитаризмом;
- индекс вклада частной собственности в ВВП (*V-Dem*) и доля нефтяной ренты в ВВП (в %), отражающие способность государства к покупке лояльности граждан за счет госмонополизма и перераспределения нефтяной ренты (Ross 2013; Magaloni 2006);
- индекс гражданских свобод (*Freedom House*), иллюстрирующий корреляцию качественно функционирующих институтов с гражданскими свободами, как об этом говорят Д. Асемоглу и Д. Робинсон (Аджемоглу, Робинсон 2015);
- индекс доступности правосудия (*V-Dem*), отражающий важнейший для складывания открытых институтов показатель защиты частной собственности, ответственный как за экономический рост и его социальные последствия, так и за формирование новых элит, готовых идти на отделение власти от собственности (в соответствии с концепцией Д. Норта).

Ключевой гипотезой при формировании данного блока переменных стала идея, восходящая к вышеупомянутым авторам, что большая экономическая свобода и большая эффективность инсти-

тутов, судебных и исполнительных, положительно соотносятся с уровнем демократии. Наоборот, в странах с не самыми развитыми институтами, куда входят и республики бывшего СССР, большая доля государственной собственности и факт наличия нефтяной ренты способствуют установлению диктатуры.

в) Теория преимуществ политической конкуренции

Чем более конкурентным является политический режим, тем выше его шансы на демократизацию – данный тезис можно встретить в работах таких авторов, как Р. Даль (2010) и Ч. Тилли (2007), анализирующих пути складывания полных консолидированных демократий в течение минувших столетий. Одновременно, отдельно от политической конкуренции, можно предположить, что в обществах, где граждане более информированы о текущем положении дел, общее неприятие авторитаризма будет выше, а общества, где граждане имеют возможность законно выразить недовольство правительством и участвовать в жизни местных сообществ, будут наделены большей способностью к осуществлению коллективных действий, способствующих конечной демократизации имеющегося порядка – непосредственно об этом писали такие авторы, изучавшие культурный аспект политики, как Г. Алмонд (Алмонд и др. 2003) и Р. Патнэм (Патнэм 1996).

В нашем исследовании вышеизложенную логику отображают следующие три переменные: индекс политических свобод (*Freedom House*), индекс свободы альтернативной информации (V-Dem) и индекс политической конкуренции (V-Dem). Дополнительные две переменные – индекс местного самоуправления (V-Dem) и доля ренты от углеводородов в ВВП (в %) – отвечают соответственно за гипотезу о положительном влиянии развитого самоуправления на шансы демократизации и об отрицательной роли ренты от природных ресурсов, способствующей, согласно теории «ресурсного проклятия» М. Росса (Ross 2013), скорейшей концентрации власти в руках традиционной элиты.

Еще одна переменная – индекс партийных связей – репрезентует в нашем исследовании гипотезу, что чем менее партийные структуры страны держатся на клиентелистских связях (большой показатель индекса), тем менее прочные основы имеет авторитаризм в плане партийной системы. Основой для данной гипотезы послужило исследование Дж. Ганди и А. Пшеворского (Gandhi,

Przeworski 2007) о роли клиентелизма и авторитарных партий в сохранении стабильности авторитарных режимов. Также в исследовании мы обращались к схожему по смыслу индексу институциональной силы парламента (LPS), который хотя и не попал в набор тестируемых переменных, поскольку в момент его составления революции в Киргизии и Грузии уже произошли, все же учитывался на стадии интерпретации результатов. Согласно исследованию М. Фиша и М. Кренига (Fish, Croenig 2009), LPS имеет сильную корреляцию с уровнем политической свободы в стране, сигнализируя о системной предрасположенности к смене режима при наличии авторитаризма с достаточно сильным парламентом и без доминантной партии: в нашей выборке именно такой страной оказалась Армения, в то время как парламенты авторитарных стран Центральной Азии оцениваются как слабые.

г) Теория относительной депривации

Согласно теории относительной депривации, разрабатываемой такими учеными, как Т. Гарр (2005) и Дж. Дэвис (Davies 1962), лишения, субъективно ощущаемые людьми, служат необходимым, а иногда и достаточным условием для массовых выступлений и революций. Контекстом социальной депривации могут служить два ключевых сценария, отмеченных Т. Гарром: во-первых, снижение основных показателей качества жизни – падение уровня доходов, затрагивающее активные слои населения, а также рост бедности и социального неравенства; во-вторых, неоправданный рост ожиданий, отчасти рассматриваемый сквозь призму теории модернизации, отчасти – через поколенческий и межгрупповой конфликт, в котором на первый план выходит размежевание ценностей и жизненных траекторий. Согласно утвердившемуся взглядам, резкость и глубина негативных тенденций, а также выраженность идентичности переживающей депривацию группы служат важнейшими факторами, определяющими вероятность конфликта как исхода социальной депривации (Walker, Smith 2002).

В нашем исследовании уровень бедности (в %) и уровень безработицы (в %) являются показателями, призванными отразить общее число людей, потенциально затронутых депривацией и имеющих идентичность, исходящую из простейших признаков неблагополучия. Ключевой переменной, не используемой в анализе в

силу ее доказанного влияния, но принимаемой во внимание при интерпретации результатов, является динамика ВВП на душу населения. Дополнительными переменными, отражающими более сложный взгляд на депривацию, выступили уровень безработицы среди населения в возрасте от 15 до 24 лет и индекс Джини, фиксирующий уровень неравенства между 10 % самых богатых и бедных граждан.

Согласно нашей гипотезе, основанной на роли безработной молодежи в событиях Арабской весны и положениях теории модернизации, показатель безработицы среди молодежи не столько фиксирует депривацию среди наиболее открытого и готового к активным действиям демографического слоя, сколько отображает противоречивые последствия неоконченной модернизации, толкающей страну в жесткий революционный цикл (см.: Хантингтон 2017). Напротив, показатель неравенства, согласно нашей гипотезе, демонстрирует скорее потенциал страны к демократизации, реализуемый в среднесрочной перспективе – либо потому, что высокий уровень неравенства провоцирует недовольство режимом (Voix, Stokes 2003), либо наоборот, потому что высокий уровень неравенства ведет к поддержке авторитаризма, как это утверждает Р. Даль (2010). Компромиссный вариант, предложенный Д. Асемоглу и Д. Робинсоном (Робинсон, Асемоглу 2019), подразумевает возможность обоих вариантов в зависимости от уровня институционального развития и степени экономической свободы: согласно данным авторам, чем более свободной является экономика и чем выше качество институтов в стране, тем больше вероятность, что неравенство будет толкать ее к демократизации, и наоборот.

д) Факторы консолидации авторитаризма

Последняя группа переменных, анализируемых нами, включает в себя факторы, которые, исходя из специфики региона, могли бы иметь решающее значение для консолидации авторитарного режима, а значит, для избежания революционного сценария. В список данных факторов входят наличие выгорания революционного материала в ходе гражданской войны или межэтнического конфликта (переменная «наличие вооруженного конфликта в течении 15 лет до анализируемого года»), а также длительность правления дикта-

тора (переменная «превышение 10-летнего порога правления главой государства»).

Описание эксперимента

Калибровка данных

Мы считаем, что расчет по медиане подходит для калибровки, так как исключает крайние значения. Однако мы также провели анализ для показателей, калиброванных по среднему арифметическому значению для того, чтобы проанализировать разницу и понять, критично ли абсолютное значение показателей для нашей теории.

Расчет по медиане и среднему арифметическому отличается для трех показателей. А именно показателя «местное самоуправление» для Грузии и Азербайджана, а также показателей «эффективность правительства» и «партийная связь» для Грузии.

Анализ факторов по пяти странам, в которых власть сменилась не под давлением общества, является одним из главных результатов исследования. В этих странах, согласно статистике и калибровке по медиане, уровень безработицы ниже, чем в странах, где произошла насильственная смена власти под давлением общественных протестов.

Нами были исключены индексы, по которым не было необходимых данных, так как мы включаем в анализ несколько показателей для тестирования каждой теории.

Theory of modernization		
Human development index	Urbanization (%)	Women political empowerment index

В частности, теория модернизации в нашем эксперименте проверяется двумя переменными: процентом урбанизации и индексом политической представленности женщин. Второй, как показал анализ, является одним из ключевых.

Economy institutes and economy freedom					
Economy freedom	Access to justice	Civil liberties	Government efficiency	Oil rents in gdp (%)	Share of private economy

Из этой группы показателей два являются ключевыми по результатам тестов, причем в зависимости от кодирования один из показателей занимает место другого, что только подчеркивает большую значимость этой группы показателей.

Political competition and freedom of speech					
Political rights	Freedom of expression and the alternative source of information index	Local government index	Political competition index	Party linkage (clientelism vs programmatic)	% opposition in parliament

Мы исключили такой показатель, как процент оппозиционной партии в парламенте, из-за отсутствия достоверных данных. Тем не менее показатель партийной связи из этой группы также по результатам тестов является одним из ключевых в сочетании с другими показателями.

Average GDP growth %	Unemployment rate (National estimate)	% of unemployed men in 15–24 age range	Poverty (% of population)	Gini index
----------------------	---------------------------------------	--	---------------------------	------------

Уровень безработицы является одним из информативных показателей. В результате тестов на отрицательный результат, то есть для тех стран, где не произошла насильственная смена власти, уровень безработицы был ниже, чем в тех странах, где она была.

Political conditions		
Number of years served as a president before the year	Significant Conflict or War in 15 years before	% of dominant ethnical group

Калибровка данных

Расчет по медиане и среднему арифметическому различается для трех показателей. А именно для показателя местного самоуправле-

ния для Грузии и Азербайджана, а также для эффективности правительства и партийной связи для Грузии.

QCA

Процедура качественного сравнительного анализа была осуществлена с использованием пакета *Tosmana*, наиболее подходящего для определения комбинаций факторов, приведших к интересующему нас исходу. Кроме того, программа позволяет определять факторы по критерию необходимости/достаточности.

Так, анализ показал, что для Кыргызстана, Армении, Грузии необходимым фактором сменяемости политического режима является уровень безработицы. Он встречается без сочетания с другими переменными и выше, чем в тех странах, где не произошла насильственная смена власти (*social frustration theory*).

Группа индикаторов, связанных с развитостью политических институтов и свободы слова, является ключевой в сочетании с тремя индикаторами из других пулов соответствующих теорий. То есть эти три индикатора встречаются в сочетании с другими, а именно такими показателями, как «индекс местного самоуправления», «индекс политической представленности» и «индекс свободы самовыражения».

Согласно теории, мы включили группу индикаторов, связанных с экономической свободой и развитостью экономических институтов. Индекс экономической свободы также встречается в шести вариантах сочетаний.

Индекс экономической свободы встречается в тех же сочетаниях, что и «индекс политической представленности женщин».

Также индикатор из группы экономической свободы и развитости экономических институтов (*assess to justice*) встречается в шести вариантах. Индекс доступа к правосудию встречается в тех же комбинациях, что и предыдущий индекс.

По нашему мнению, это свидетельствует о взаимосвязи двух теорий – развитости экономических свобод и развитости политических институтов. Переменные из этих групп встречаются в сочетаниях наибольшее количество раз.

Согласно теории модернизации, нами был включен такой показатель, как *women political empowerment index*, и он встречается в шести вариантах. Два раза он встречается с индикаторами, которые

мы отнесли к группе политических условий. Это наличие значимого конфликта за 15 лет до даты, выбранной для анализа, и количество лет, которые провел президент у власти до смены (меньше 11 лет – медианный показатель из анализируемых кейсов).

Группа индикаторов, связанных с развитостью политических институтов и свободы слова, является ключевой в сочетании с политической представленностью женщин, а именно такие показатели, как «индекс местного самоуправления», «индекс политической представленности» и «индекс свободы самовыражения».

Это может свидетельствовать о тесной связи данных индексов для анализа кейсов трех стран, где смена власти произошла насильственным путем.

Из группы показателей, описывающих развитость экономических институтов, значимым является процент ренты от натуральных ресурсов в ВВП, а именно его отсутствие в сочетании с индексом политической представленности женщин во власти.

Калибровка по медиане отличается от калибровки по среднему арифметическому по показателю (*local government*) у двух стран: Грузия и Азербайджан.

Freedom expression + party linkage. Political competition + party of linkage появляется в арифметической калибровке. Судя по всему, эта переменная встречается как альтернатива *local government* и входит в нашей градации в один и тот же пул переменных *political competition and freedom of speech*.

Это только подчеркивает рациональность выбранного способа группировки переменных. И при смене или отсутствии переменной другая из того же пула является информативным показателем для анализа.

Выводы

В первую очередь, мы можем сделать вывод о том, что для стран региона следует разделять непосредственный механизм запуска революционных событий (триггер) и те условия, что сделали насильственную смену политического режима возможной. Так, в качестве первого, наше исследование однозначно выделило фактор относительно высокой безработицы – в тех странах выборки, где она наблюдалась, произошли революции. Между тем, говоря об условиях, которые сделали революции возможными, мы вынуждены

говорить о более сложном наборе факторов, обуславливающих различия между странами выборки.

Интерпретируя полученные результаты с помощью изложенных ранее теоретических концепций, мы можем сделать вывод, что в странах, где происходила смена режима путем протестов, имело место взаимное, обогащающее влияние факторов, описываемых теориями институционального развития и преимуществ политической конкуренции на фоне их положительной взаимосвязи с общим уровнем модернизации страны.

Наиболее вероятное объяснение революций в исследуемых странах, на наш взгляд, кроется в пересечении таких процессов, как:

1) утрата авторитарным государством / правящей партией способности использовать экономические ресурсы для покупки лояльности избирателей и контроля над их поведением (индекс экономической свободы, доля нефтяной ренты в ВВП в %, индекс вклада частной собственности в ВВП, индекс партийных связей);

2) формирование модели, в которой силовые и судебные структуры являются менее включенными в процесс изъятия ренты с населения (индекс доступности правосудия, индекс экономической свободы, доля нефтяной ренты в ВВП), а политическая легитимность государства не связывается с одной политической силой (индекс политической конкуренции, индекс свободы альтернативной информации);

3) рост уверенности избирателей в наличии представителей, готовых защищать их интересы (индекс политической конкуренции, индекс местного самоуправления), а также расширение представлений избирателей о сущности данных интересов (индекс свободы альтернативной информации, индекс правового равенства женщин) и способах их реализации (индекс местного самоуправления, индекс доступности правосудия);

4) переориентация элит с авторитарного доминирования на соблюдение общих правил игры (индекс политической конкуренции, индекс доступности правосудия) под влиянием более открытой экономической модели, требуемой для экономического роста (индекс экономической свободы, доля нефтяной ренты в ВВП в %) и более конкурентной политической модели, диктуемой большим уровнем модернизации (индекс правового равенства женщин, ин-

декс партийных связей, индекс свободы альтернативной информации, индекс местного самоуправления).

Отталкиваясь от четырех интерпретаций, мы можем проанализировать и более конкретные случаи сочетания факторов, продемонстрированные в ходе QCA.

Так, любопытно, что индекс правового равенства женщин, служащий в нашем исследовании показателем модернизации, встречается, пожалуй, в наибольшем числе комбинаций с переменными, относящимися к теориям институционального развития, преимуществ политической конкуренции и факторов консолидации авторитаризма. Последнее означает, что уровень модернизации имеет большое значение для предсказания революции, однако в стране без относительно свободной экономики и конкурентной политической системы его влияние оказывается минимальным, что подтверждает не только негативная связь индекса правового равенства женщин с такими показателями, как «доля ресурсной ренты в ВВП в %», «наличие вооруженного конфликта в течение 15 лет до анализируемого года» и «превышение 10-летнего порога правления главой государства», но и схожесть комбинаций для индекса правового равенства женщин и индекса партийного представительства, что могло бы быть также отнесено косвенно к показателям модернизации (где клиентелизм соответствует отношениям более традиционалистским).

Далее, очевидная из нашего анализа связь показателей институционального развития и уровня политической конкуренции свидетельствует о верности относительно взятой выборки тезиса неoinституциональной теории о связи политических и экономических свобод. Между тем отсутствие среди значимых факторов собственно индексов политических и гражданских свобод, а также относительно низкая значимость переменной «индекс вклада частной собственности в ВВП» демонстрируют, что наиболее общие показатели, характеризующие отличия свободных стран от несвободных, прямо не действуют на выборке из авторитарных стран, подменяясь, однако, аналогичными по смыслу не столь явными переменными, фиксирующими большую склонность страны к демократическому строю и свободной экономике, такими как «индекс экономической свободы», «индекс доступности правосудия», «индекс

политической конкуренции», «индекс свободы альтернативной информации».

Подводя итоги, мы также не можем не обратить внимание на следующую закономерность, по-видимому, ключевую: в ходе нашего анализа индекс правового равенства женщин, отвечающий за уровень модернизации, продемонстрировал участие в том же количестве аналогичных комбинаций, призванных объяснить осуществление революций, что и индекс экономической свободы и индекс доступа к правосудию. Иными словами, для стран выборки, в которых произошла насильственная смена власти, данные три индекса в их сочетании не только видятся наиболее значимыми для формирования условий, способствующих осуществлению революций, но и представляются в целом заменяемыми одним теоретическим определением – развитием страны по более инклюзивной, свободной от мотивированного рентой монополизма в политике и экономике траектории, чем траектории ее не столь развитых или институционально открытых, стабильно авторитарных соседей.

Наконец, следует отметить наблюдаемую в анализе взаимозаменяемость ряда переменных, отвечающих за теорию преимуществ политической конкуренции: так, индекс местного самоуправления, играющий важнейшую роль из всех политических переменных, при иной калибровке может быть заменен индексом партийных связей, а индекс свободы альтернативной информации – индексом политической конкуренции. Как можно предположить, это говорит о том, что хотя сугубо политические факторы и играют не менее важную роль, чем институциональные и экономические, в формировании условий для революции через протесты, на практике их влияние распределяется по нескольким направлениям с тесной причинно-следственной связью, включающей отрицательный вклад клиентелизма, и положительное влияние более конкурентных выборов, и взаимосвязь последней с большей доступностью альтернативных источников информации. Отдельным пунктом, однако, стоит выделить, что наибольшим весом в сплаве политических факторов обладает индекс местного самоуправления, свидетельствуя о важной роли низовой демократии и децентрализации в размытии основ авторитарного господства.

Библиография

- Аджемоглу Д., Робинсон Д. А. 2015. Почему одни страны богатые, а другие бедные. *Происхождение власти, процветания и нищеты*. М.: АСТ.
- Алмонд Г., Пауэлл Д., Стром К., Далтон Р. 2003. *Сравнительная политология сегодня*. М.: Аспект-Пресс.
- Гарр Т. Р. 2005. *Почему люди бунтуют*. Питер.
- Голдстоун Д. 2015. *Революции. Очень краткое введение*. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Даль Р. А. 2010. *Полиархия: участие и оппозиция*. Изд. дом ГУ ВШЭ.
- Инглхарт Р., Вельцель К. 2011. *Модернизация, культурные изменения и демократия*. М.: Новое издательство.
- Липсет М. 2016. *Политический человек: социальные основания политики*. М.: Мысль.
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. 2011. *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Олсон М. 1995. *Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп*. М.: ФЭИ.
- Патнэм Р. 1996. *Чтобы демократия сработала: Гражданские традиции в современной Италии*. М.: Ad Marginem.
- Пшеворский А. 2000. *Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке*. М.: РОССПЭН.
- Робинсон Д., Асемоглу Д. 2019. Экономические истоки диктатуры и демократии. *Litres.ru*.
- Тилли Ч. 2007. *Демократия*. М.: Ин-т общественного проектирования.
- Хантингтон С. 2003. *Третья волна. Демократизация в конце XX века*. М.: РОССПЭН.
- Хантингтон С. 2017. Политический порядок в меняющихся обществах. *Litres.ru*.
- Berg-Schlosser D., De Meur G., Rihoux B., Ragin C. C. 2009. Qualitative comparative analysis (QCA) as an approach. *Configurational comparative methods: Qualitative comparative analysis (QCA) and related techniques* 1: 19–32.
- Boix C., Stokes S. C. 2003. Endogenous democratization. *World politics* 55(4): 517–549.

- Davies J. C. 1962.** Toward a theory of revolution. *American sociological review*: 5–19.
- Fish M. S., Kroenig M. 2009.** *The handbook of national legislatures: A global survey*. Cambridge: Oxford University Press.
- Gandhi J., Przeworski A. 2007.** Authoritarian institutions and the survival of autocrats. *Comparative political studies* 40(11): 1279–1301.
- Geddes B. 1999.** What do we know about democratization after twenty years? *Annual review of political science* 2(1): 115–144.
- Levitsky S., Way L. A. 2010.** *Competitive authoritarianism: Hybrid regimes after the Cold War*. Cambridge: Oxford University Press.
- Magaloni B. 2006.** *Voting for autocracy: Hegemonic party survival and its demise in Mexico*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Rihoux B., Ragin C. C. 2008.** Configurational comparative methods: *Qualitative comparative analysis (QCA) and related techniques* (51): Sage Publications.
- Ross M. L. 2013.** *The oil curse: How petroleum wealth shapes the development of nations*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Treisman D. 2012.** Twenty years of political transition. *Economies in Transition* / Ed. by G. Roland. London: Palgrave Macmillan. Pp. 109–133.
- Walker I., Smith H. J. 2002.** Fifty years of relative deprivation research. *Relative deprivation: Specification, development, and integration*: 1–9.